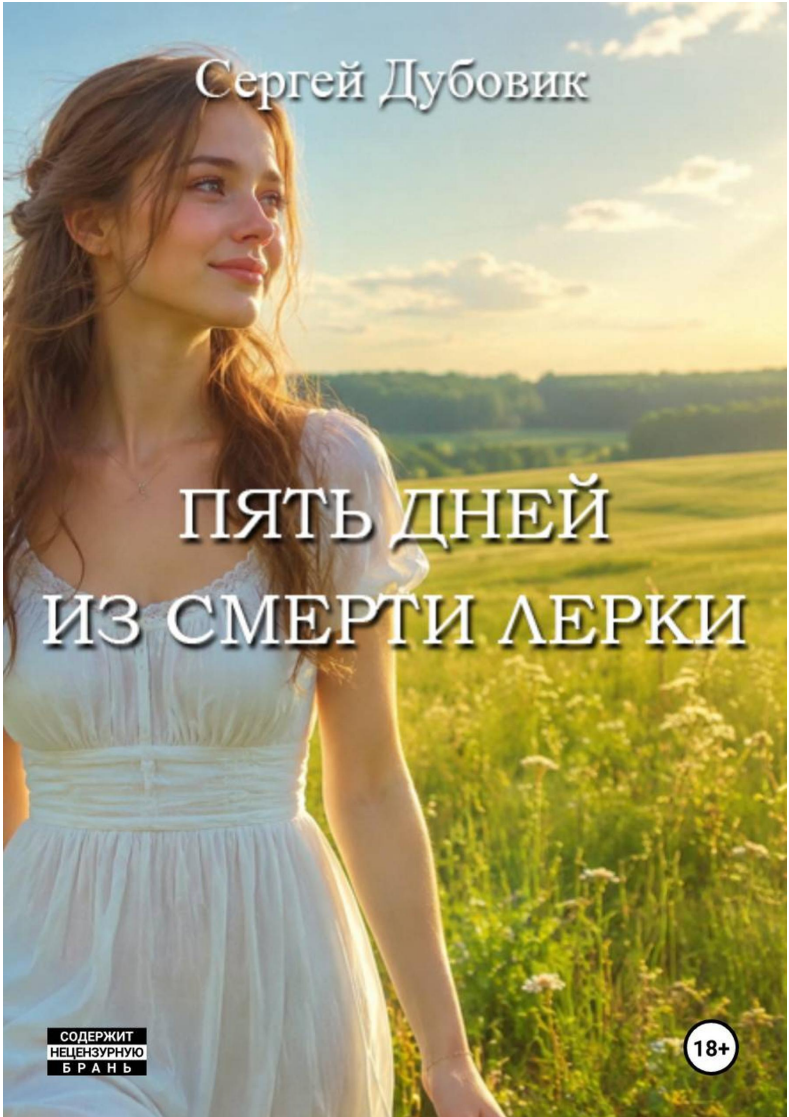

Сергей Дубовик
ПЯТЬ ДНЕЙ
ИЗ СМЕРТИ ЛЕРКИ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Сергей Дубовик

Пять дней из смерти Лерки

https://litres.ru/73939988
SelfPub; 2026

Аннотация

Прозаичная история о самопожертвовании молодой девушки ради несуществующих идеалов.

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 22
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Пять дней из смерти Лерки

Посвящается моей любимой и родной М.И.

Глава 1.

Окраина города Никитинска представляла собой жалкое зрелище: десяток обветшалых «хрущёвок», выцветшая школа, детский сад и несколько питейных заведений. Жизнь здесь была совершенно иной, нежели в центре города, хотя до него и было рукой подать — несколько остановок на старом автобусе или пешком через лесопарк. Тем не менее окраина была отдельным миром, где жизнь во всех её проявлениях безнадёжно «застыла» десятки лет назад. Любой путешественник или, скажем, турист сразу бы это заметил и, возможно, рассказал бы об этом кому-нибудь, но, увы, ни те, ни другие не жаловали окраину своим вниманием, впрочем, как и горожане из центра, которые бывали тут редкими гостями, стараясь не посещать эти места без крайней необходимости. Да и что, собственно, на окраине могло заинтересовать интеллигентного человека? Не было здесь ровным счётом никаких замечательных мест или исторических достопримечательностей, не считая разве одной церквушки, что собирала по воскресеньям некоторых жителей окраины и даже завсегдатаев нескольких питейных заведений.

Люди, жившие на окраине, были тоже особенными, так, по крайней мере, скажет вам любой житель центральной части Никитинска. Бытие окраины было исполнено духом

борьбы за выживание в самом что ни на есть дарвиновском смысле. Порой казалось, будто выживание есть единственный смысл их существования, словно рассеянный Создатель позабыл о сценариях для этих людей.

Две главные улицы разрезали окраину на куски пирога. Улицы начинались на центральной площади, где размещалась автобусная станция, и заканчивались тупиками. Лерка все свои двадцать лет прожила в Ватутинском переулке в непотребной «хрущёвке», выкрашенной некогда жёлтым цветом, потерявшим теперь остатки былого солнечного тона.

Семья её была немногочисленна: бабушка Лидия Николаевна Кривцова — набожная, больная старуха, прикованная последний год к постели, и мать Татьяна — городская «выпивоха» с бегающими серыми глазками, глубоко утопшими в опухшем лице с прямой, широкой переносицей и редкими, небрежно выщипанными бровями.

Татьяна Валерьевна Кривцова, а среди «своих» — Танька Кривая, расплескала свои сорок лет в пьянстве и беспросветном распутстве и нагуляла дочь, не помня, от кого.

Девочка родилась прежде срока, и нарекла её мать Леркой в честь деда Валерия, вопреки бабушкиной воле назвать девочку Катей, и была она ребёнком, нужным только одной бабушке, отягощая гулящую мать из года в год.

Росла Лерка меж разных истин: будничная реальность от матери сменялась воскресными проповедями отца Андрея и походами в церковь с набожной бабушкой. Характера она

была взрывного, хотя Лидия Николаевна сызмальства воспитывала в ней добродетель, которую не удалось взрастить в Татьяне. Прилежной девочкой была она ровно до тех пор, пока школа не заставила её показывать зубы, наличие которых стало условием выживания на окраине.

Лидия Николаевна с болью в душе принимала «становление» внучки, боясь, что та пойдёт по стопам дочери, которую она в сердцах прокляла, хоть и молилась за неё во все дни.

К шестнадцати годам Лерка оперилась и внимала бабушкиным наставлениям лишь тогда, когда ей самой этого хотелось. Тогда же вихрь первых чувств «закрутил» ее, и Лерка рассталась с честью настолько легко, насколько этого требовала жизнь на окраине. Умершая в недельный срок надежда на романтическое продолжение взаимности остепенила девушку, а уже через месяц мимолётная «слава» привела к ней очередь прыщавых ухажёров.

Растаявшие девичьи мечты умчались в светлое прошлое, а впереди серело туманное будущее уже с одним попранным заветом. Лерка взрослела, приобретая женственность и красоту, которая приковывала внимание с первого взгляда. Длинные густые темно-русые волосы, чувственные губы, упругое тело и дерзкий взгляд заставляли мужчин оборачиваться вслед задорной девчонке. Лерка, надо сказать, цену себе знала и старалась жить той жизнью, где для запретов и заповедей не осталось чистых страниц. Закончив школу без перспектив, она пошла работать на почту и жила с бабушкой

в малогабаритной трехкомнатной квартире. Татьяна же тем временем бесновалась в сомнительных компаниях, в конце концов став соучастницей истории с финалом общего режима.

Праздность Леркиного прозябания была перечёркнута росчерком пера в истории болезни бабушки. Диагноз Лидии Николаевны был неутешительным – рак. К двадцати годам Лерка, пройдя через все круги бытия на окраине, оказалась одна с больной старушкой «на руках». Беспечная жизнь угасла сама собой, и её место в шумных компаниях заняли другие. Зарплаты курьера и пенсии бабушки едва хватало на существование. Лерка надеялась на улучшения самочувствия Лидии Николаевны, но та вскоре слегла окончательно, «сковав» внучку по рукам и ногам. Лекарства стоили дорого, а внезапный рецидив не оставлял никаких надежд. Некоторое время к Лидии Николаевне приходили её подруги из церковного хора и даже заглядывал отец Андрей. Длилось это ровно до тех пор, пока она не начала терять зрение и слух. Вскоре сердобольные старухи поредели, обещая молиться «денно и нощно», и лишь соседка Мария Андреевна осталась верна Лидии Николаевне, выручая Лерку при первой возможности.

Прошёл год, и Лерка наконец дождалась из колонии мать, которая, истосковавшись по свободе, закутила на неделю после освобождения. Надежды Лерки на участие матери рухнули уже через месяц, когда квартира была превращена в

хлев, а её новый ухажёр попытался быть приласканным как матерью, так и дочерью. Лерка держалась из последних сил, беспокойно спала и теряла смысл и нить своего существования…

— Дочка, — чуть слышно застонала ослепшая и почти глухая бабушка. — Дочка, подойди ко мне.

— Да, — Лерка присела на стул рядом с кроватью и привычно взяла бабушку за руку, показывая своё присутствие.

— Дочка, ты слышишь меня? — тихим и сухим голосом спрашивает старушка и, почувствовав, как Лерка сжимает ей руку, продолжает говорить. — Доча, хорошо, что ты, наконец, вернулась к нам. Катька совсем со мной измучилась. Стыдно мне за эту болезнь. Что за напасть и откуда она только взялась? Я как будто издеваюсь над ней целый год. Хорошо хоть ты подмогой ей станешь.

— Стану, — ответила Лерка.

— Доча, умру я, наверное, скоро, — тихо продолжила старушка. — Сегодня вот сон приснился: отец меня блинами угощал. Протягивает мне тарелку с блинами, да к себе в дом приглашает зайти…

Лерка достала из кармана платок, вытерла скатившуюся по щеке бабушки слезу и боязливо, так и не привыкнув к её виду, заглянула в её мутные, угасающие глаза.

— Блины, я знаю, к смерти… точно к смерти, да и сколько можно мучить уже вас. Устали вы от меня… да ты не жми мне руку-то так, больно, — старушка едва заметно улыбну-

лась, почти не меняясь в лице. — Доча, ты прости меня за всё. За отца прости. Виновата я пред тобой, но так уж жизнь сложилась. Разве в силах я была всё исправить… и, прошу тебя, иконку мою сохрани. Отдай её Катьке, пусть она бережёт её как я, а я… я…

Скрипучий голос бабушки оборвался, и она затихла, издав последний хриплый вздох.

— Мама, мама! — Лерка испугалась и отпрянула от бабушки, отпустив её ослабевшую руку. — Мама, бабушка умерла…

Закрыв лицо руками и боясь вновь посмотреть в её застывшие глаза, она поднялась со стула и продолжила звать мать.

— Чего орёшь?! — из другой комнаты появилась заспанная, растрёпанная мать с осунувшимся лицом. — Ну-ка, отойди, дай я посмотрю.

Татьяна склонилась над Лидией Николаевной и пристально посмотрела ей в глаза. Лерка с ужасом наблюдала за этой сценой, присев на кресло рядом с телевизором в другом углу комнаты.

— Мама, что ты делаешь? — Лерка растерянно посмотрела на мать. — Зачем ты…

— Ничего я не делаю, — резко сказала мать. — Принеси лучше зеркало с туалета, а то не разберёшь: померла, не померла? Она и на прошлой неделе так помирала, помнишь? И ничего, жила вон целёхонькая.

Татьяна поднесла зеркало к посиневшим губам матери и, убедившись в отсутствии дыхания, присела на стул, где несколькими минутами ранее слушала исповедь бабушки Лерка. Бросив похмельный взгляд на тумбочку возле кровати, где лежали таблетки и стояли пузырьки с лекарствами, Татьяна накапала в стакан валерьянки и тут же выпила её.

— Теперь всё, — дрожащей рукой она закрыла матери глаза. — Отмучались мы с тобой. Надо бы в ментовку позвонить или куда там?

Татьяна удалилась на кухню и вернулась с мусорным ведром в руках.

— И в больницу тоже надо позвонить. Куда её теперь девать-то? Нам на работу с тобой сегодня надо по-любому. На меня вчера и так Карен орал, сволочь! Упырь, всё ему денег мало. Думает, что это мы с тобой два ящика водки на сторону «скинули». Чурка тупой, я ему говорю, что не привезли её! Тварь, так он привязался к накладным. Правильные у него, видите ли, накладные, а у нас типа неправильные, — язвительно сказала Татьяна и безразлично, одним махом смахнула лекарства в ведро. — Слышь, Лер! Надо в больницу быстрее звонить, а то этот чурбан нас со свету сживёт, если мы торговлю ему завалим.

— Я позвоню, а что надо сказать? — спросила Лерка.

— Скажи, что умерла, мол, бабушка моя, Лидия Николаевна Кривцова. Пусть приезжают. Позвони, хреново мне чего-то, — сидя на стуле, Татьяна обречённо опустила голову,

обхватила её руками и продолжила ругаться: — а то он, видите ли, пережить никак не может двух ящиков… развелись здесь как вши, народу жизни не дают.

Татьяна с трудом поднялась со стула и побрела с ведром в кухню, ещё что-то причитая и понося Карена. Лерка проводила мать взглядом и принялась звонить в полицию.

— Этому, значит, деньги отдай за водку и вот теперь ещё тысяч десять-пятнадцать на похороны. Где я им всем возьму-то? — Татьяна добрела до кухни, спрятала ведро под раковину и налила вина из недопитой накануне бутылки. Одним махом опустошив стакан, она закурила и присела за кухонным столом, прислушиваясь к телефонному разговору дочери. — Как же ты, мать, не вовремя умерла… Лерка, ну что там!?

— Полиция приедет, «скорая» тоже. В «скорой» сказали, чтобы мы в районную поликлинику звонили, — рапортовала Лерка, подойдя к матери, — но я телефона поликлиники не знаю.

— Какая к чёрту поликлиника!? Её же надо в морг забирать, чё, они её лечить, что ли, будут! Ах, епт… умники, ни хера делать не хотят.

— Мама, главное, что приедут.

— Хрен с ними. Буду ждать, а ты давай собирайся в палатку. Откроешься одна, а я здесь разберусь и сразу приду. — Татьяна посмотрела на недовольную дочь. — Ты чего, не поняла?

— Я поняла, но я… я не могу одна.

— Не можешь? Да что ты говоришь, — ответила мать, — а я, думаешь, могу? Мне, думаешь, легко! Тебе, значит, тяжело, а мне легко. Так, да? — Татьяна с вызовом посмотрела на Лерку, которая застыла в дверях кухни.

— Мама, а мы не можем вместе пойти, пожалуйста?

— Не можем, - отрезала мать. — Хочешь, оставайся со своей любимой бабушкой, а я пойду. Останешься?

— Нет, — Лерка посмотрела на безжизненное тело Лидии Николаевны, отчего ей стало не по себе.

— Тогда иди и торгуй, а мне надо её отправить в морг, — резко ответила мать. – Сегодня пятница, и торговля пойдёт уже с утра. Что, ты наших алкашей не знаешь? Одевайся, не тяни. Я же сказала, что приду сразу, как только освобожусь. Час без меня покрутишься, ничего с тобой не случится, не маленькая уже. С мужиками трёшься и тут справишься. Привыкай к взрослой жизни.

— Ты можешь хотя бы сегодня не пить? — Лерка нахмурилась.

— Это не твоё дело. Если приедет Карен, скажи ему, что я буду в обед, и пусть не ждёт меня. Ни о чём с ним больше не разговаривай. Если он захочет взять деньги из кассы, всё пересчитай до копейки, а то эта сволочь обманет тебя. Уходи и не забудь ключи от палатки взять.

Лерка вышла во двор, вдохнув свежий мартовский воздух. Постояв возле подъезда, она закурила, совершенно не

боясь быть замеченной соседями. От нескольких глубоких затяжек натощак у Лерки закружилась голова, и она присела на край сырой лавки, продолжая жадно курить. Времени в её распоряжении было немного, и уже следовало торопиться в палатку, но она словно в одночасье потеряла все силы, вспомнив о бабушке.

— Слышь, красавица, это какой дом? — К девушке подошёл улыбающийся мужчина, неоднозначно посмотрев на её вызывающе короткую юбку. — Мне двенадцатый нужен, а тут, блин, на вашем отшибе ни одной таблички нет. Да ты не дрейфь, красавица, — улыбнулся мужчина, уловив недоверчивый взгляд Лерки, — я водитель со «скорой». Машина вон за углом стоит, просто не хочу ошибиться, а то потом хрен тут у вас развернёшься.

— Да, это двенадцатый. Вам в шестьдесят пятую квартиру на второй этаж, — спокойно ответила Лерка и бросила сигарету.

— А ты откуда знаешь? — удивился мужчина и поправил кепку.

— Знаю, — Лерка встала с лавки, поправив куртку и юбку.

— Лерка! — раздался неожиданный крик матери, которая высунулась в окно. — Иди работать!

— Тьфу, чёрт! Ты чё орёшь, как ошпаренная! — выругался шофёр, вздрогнувший от неожиданного вопля Татьяны.

Лерка медленно побрела в сторону от дома, не ответив

матери ни слова. Она слышала, как к подъезду подъехал автомобиль скорой помощи, но решила не оглядываться и продолжила идти.

Она ступала по знакомым с самого детства дворам, сунув руки в карманы куртки и безучастно осматриваясь по сторонам. Март с первых дней выдался тёплым, и растаявший в первых числах снег обнажил дворы окраины Никитинска в той отвратительной талой грязи, от которой отвыкал глаз белой, заснеженной зимой. Шагая по растрескавшейся асфальтовой дорожке, она думала о том, что вся жизнь её растеклась по этим беспризорным дворам и дорожкам. Иной раз Лерке казалось, что эта самая жизнь была настолько однообразной, что она без труда могла бы вспомнить почти каждый из прожитых дней, которые были одинаково неподвижны, как огромные, вросшие в землю, каменные валуны. Лерка с ужасом подумала о том, сколько ещё таких дней спряталось за каждым из этих домов с выцветшей штукатуркой, и пошла быстрее, словно пыталась убежать от безысходных мыслей.

Шумное щебетанье птиц и долгожданное солнце, пусть и в декорациях затхлой окраины, вносили в её душу смятение. Лерка вспомнила последний, невыносимый год болезни бабушки и предшествующий ему год их совместной жизни без матери. Ей было стыдно за те безрассудные времена, когда она гуляла с лучшей подругой Ларисой день и ночь напролёт, не слушаясь сердобольную старушку, которая ревела пусты-

ми ночами и молилась из-за неё, стоя на коленях перед образом Николая Чудотворца…

— Валерия, — мужской голос окликнул Лерку, когда та задумалась над словами бабушки об иконе. — Доброе утро!

— Здравствуйте, отец Андрей, — Лерка обернулась и поздоровалась с невысоким и полноватым настоятелем небольшого храма Преподобного Сергия Радонежского, который находился в парке и куда её каждый выходной водила бабушка.

Отец Андрей несколько лет был знаком с Леркой и Лидией Николаевной, принимавшей самое бескорыстное участие в восстановлении храма сразу после того, как оттуда была выселена гранитная мастерская. Ему были известны подробности жизни их семьи, поскольку Лидия Николаевна, будучи человеком «божеским» и открытым, делилась с ним болью за дочь. Подчас священнослужитель дивился тем испытаниям, которые выпали на Леркину долю, и той участи, что была уготована одной из самых добродетельных его прихожанок.

— На тебе лица нет, — с настороженностью спросил отец Андрей, — что-то случилось?

— Бабушка умерла…

— Лидия Николаевна! Ох, Господи, царствие ей небесное… да упокоится с миром душа её… - отец Андрей процедил сквозь бороду несколько едва понятных мирскому человеку фраз и торопливо перекрестился. — Когда же это случилось?

— Часа полтора назад, — Лерка не смогла сдержаться, и горячие, обжигающие слёзы хлынули у неё из глаз. Ей вдруг захотелось уткнуться в рясу отцу Андрею и выплакаться, но она сдержала порыв и, склонив голову, заплакала. — Ну, почему так, почему…

— Дочь моя, — отец Андрей взял Лерку за руки и проникновенно посмотрел ей в глаза. — Значит, настало время, и Господь призвал её, избавив от страданий, которые нам с тобой и неведомы. Ведь, наверное, год уже прошёл, и потом…

— Почему… я не хочу… — Лерка всхлипывала, вздрагивая плечами.

— Лера, на то воля Господа нашего. Смирись и помолись за упокоение души её. Она была светлым и достойным человеком. Верю, что, представ перед Господом, она совсем скоро вознаграждена будет за добродетель и за искреннюю веру свою, — отец Андрей сунул руку в глубокий карман пальто и достал платок.

Лерка дрожащими руками взяла платок, вытерла слёзы и посмотрела на отца Андрея, пытаясь улыбнуться.

— Спасибо вам, — тихо сказала Лерка.

— Да не за что, — отец Андрей на мгновение задумался. — Ты знаешь что, приходи-ка в храм. Свечку надо бы за упокой поставить, и душою отдохнёшь…

— Я даже не знаю, — растерялась Лерка, — я как-то не думала…

— Приходи, приходи, не стесняйся, — отец Андрей пе-

рекрестил Лерку и вновь что-то невнятно пробормотал. — Лера, ты прости, я спешу, боюсь, на «утреннюю» опоздаю…

— Да, я понимаю, — спокойно ответила Лерка. — Я сама спешу.

— Я обязательно буду на похоронах, но мне нужно знать все подробности. Зайди ко мне вечером, не забудь. И… — отец Андрей замялся, вспоминая исповеди Лидии Николаевны о Татьяне, — и если одна не хочешь, то приходи с матерью. Не получится сегодня — приходите завтра. Хорошо?

— Я постараюсь.

— Ну, тогда до встречи.

Лерка проводила взглядом спешившего священника и устыдилась своих слов и слёз, которые неожиданно показались ей совершенно неуместными. Оставшийся путь через парк до автобуса она проделала быстро, стараясь более не предаваться скорбным размышлениям.

Тем временем Карен уже приехал в палатку с одним из своих друзей и решил провести ревизию до прихода Татьяны и Лерки. Пожилой одинокий армянин с нахмуренным лицом и пронзительными чёрными глазами «заправлял» несколькими торговыми ларьками с незамысловатым продуктовым ассортиментом и круглосуточной выпивкой. На каждом из ларьков красовалось бесхитростное название «У Карена», что позволяло ему быть всегда на слуху у любителей дешёвого пойла и снискать уважение даже у самых отчаянных и дерзких горожан. Его ларьки не грабили и не поджигали, по-

тому что Карен чтил ряд неписаных правил, позволявших ему существовать в волчьем мире окраины Никитинска.

Карен знал «шумное» прошлое Таньки Кривой, но, поступившись своими принципами, закрыл на это глаза и взял её с дочерью на работу, как только Татьяна освободилась. Лерка напоминала Карену его дочь, которая в семнадцать лет погибла в автокатастрофе. Такая же темпераментная, как и Анаит, она сразу покорила его сердце задором и наивным, неповторимым упрямством, которым славилась юность во все времена.

Добравшись наконец до палатки, Лерка сразу обратила внимание на автомобиль Карена, который стоял неподалёку. Боковая дверь в палатку была открыта, хотя вход для посетителей был по-прежнему заперт. Столь ранний приезд Карена удивил её: касса была ещё пуста, и его появление показалось ей странным

Подойдя поближе к приоткрытой двери, Лерка решила не заходить внутрь, а остановилась рядом, прислушиваясь к голосам, доносившимся изнутри.

— Ты смотри, гадина какая, — ругался Карен. — Я ей работу дал, зарплату, а она же меня и обманывает. Разве поступают так, а? Разве можно так? Умоляла ведь, собака. Христом богом просила…

— Да, вижу я, вижу, — ответил мужской голос без акцента.

— Нет, ты посмотри! Где товар?! — негодовал Карен. —

Про какие она накладные мне всё твердит? Ну, как так можно?! Где же совесть у людей?

— Не кипятись, Карен. Что ты от неё ждал? — спокойно отвечал собеседник. — Она же за кражу срок мотала. Только «откинулась» — и тут ты, такой сердобольный. Её же со всех магазинов выперли. Зачем ты взял её? Я же говорил тебе. Как волка ни корми, он всё равно в лес смотрит…

— Волк может и смотрит, только вот человек… — Карен не стал договаривать и продолжил сетовать на Татьяну. — Стояла вот тут на коленях и умоляла меня, гадина, дать ей работу. Весь город, говорит, от меня отвернулся. Не дай, говорит, с голоду умереть. Вот гадина! Двух ящиков водки нет. Зараза, налево продала, чтоб ей… а мне всё про неправильные накладные рассказывает.

— Здравствуй, Карен, — Лерка открыла дверь в палатку, смутив своим неожиданным появлением хозяина палатки и его спутника.

— Где Татьяна? Где твоя мать?! — резко начал Карен, нахмурив седые брови. — Говори, где она?

— Она будет позже.

— Где она сейчас?! Дома?! Опять нажралась с вечера и дома спит?! — негодовал Карен, размахивая руками.

— Карен, — глаза Лерки наполнились слезами, — у нас горе, поэтому мама не смогла прийти. Она придёт позже, я говорю правду.

— Горе! — Карен издевательски повторил Леркины слова

и посмотрел на своего спутника, который молча наблюдал за происходящим. — Смотри, Саша, у них горе. А у меня, девочка, тоже горе. Вот кто-то водку у меня украл. Ты не знаешь, какой гад это мог сделать?

— Нет, не знаю.

— Видишь, и я не знаю, — Карен нарочито захохотал. — Может, на вас бандиты напали? Скажи мне кто, и я разберусь.

— Я не знаю, Карен, о чём ты говоришь, — оправдывалась Лерка.

— Тогда, может, водка испарилась?! — Карен не унимался и не слушал Лерку. — Вот взяла и испарилась вместе с бутылками…

— Карен, я не знаю, где водка, — Лерка закрыла лицо руками и заплакала.

Карен замолчал, увидев Лерку плачущей. Он хотел что-то сказать, но замялся, посмотрев на своего спутника, который не проронил ни слова с момента её появления.

— Слушай меня, — грубо сказал Карен, — выручку буду проверять каждый день. Так ей и передай.

— Угу, — всхлипывая, ответила девушка.

— За водку она мне расплатится. Я никому не дам себя дурачить! Понятно! Так ей и передай!

Карен ударил кулаком по прилавку и вышел из палатки вместе со спутником, оставив плачущую Лерку одну.

Глава 2.

Проводив санитаров, Татьяна осталась одна. Выпив ещё вина, она остановилась в дверях кухни, осматривая опустевшую комнату. В следующее мгновение она подошла к дивану и резко скинула с него постель на пол, после чего запихала её в мешок и вынесла в коридор. Вернувшись обратно, Татьяна почувствовала невероятный прилив гнева. Ища «выхода» своему состоянию, она открыла шкаф и выбросила на пол одежду Лидии Николаевны. Не находя себе места, она шарила по углам, бросая посреди комнаты всё, что напоминало о матери.

— Нахрен это всё! К чёрту! Никому это не нужно, — стиснув зубы, бубнила Татьяна.

Татьяна не успокаивалась и продолжала рыться в мебельных ящиках, резко выдвигая их. Неистовая ярость застилала ей глаза, и она принялась выбрасывать всё подряд: гребёнку, большую записную книжку матери, рецепты и вырезки из журналов. Всё, что попадалось под руку, летело в одну кучу до тех пор, пока весь пол не был завален ворохом одежды и барахлом.

Лишь спустя час Татьяна успокоилась, прохаживаясь по комнате и нарочито ступая по одежде матери. Выпив ещё вина, она затиснула в пластиковые мешки всё, что вывалила на пол, и выставила их в коридор, где остановилась перед

большим зеркалом. Татьяна редко смотрелась на себя в зеркало. Сейчас вдруг она замерла и молча разглядывала сухую, стареющую женщину с растрёпанными жидкими волосами, без прошлого и будущего. Вид её оказался настолько жалок и противен ей самой, что она отвернулась и, быстро порывшись в одном из мешков, отыскала несколько старых простыней, желая завесить зеркало. Расправив простынь, она приблизилась к зеркалу и попыталась зацепить её за верхнюю часть, но сделала это неудачно, и один край простыни сполз. В это мгновение Татьяна опустила взгляд и вновь посмотрела на себя в тот момент, когда половина лица оказалась скрытой частью ткани.

— Ну, вот и всё… — прошептала она и накинула простыню.

Татьяна завесила все зеркала, взяла мешки и направилась в палатку, где Лерка пребывала в самом угрюмом настроении. Как и предрекла мать, ей пришлось работать до обеда одной. Лерка злилась на мать, но решила не ругаться с ней, а, воспользовавшись её утренним отсутствием, уйти вечером пораньше и побыть одной.

Лерка в нескольких словах рассказала о визите Карена, его угрозах и требованиях. Она ожидала ответа от матери, но та лишь огрызнулась и выругалась, не желая объясняться с дочерью.

— Ты, знаешь, поменьше с этим Кареном болтай, — Татьяна заметно нервничала и вела себя вызывающе, — он хо-

чет с нас денег слупить, а ты с ним базары разводишь.

— Мама, Карен просто так не будет говорить, — возмутилась Лерка. — Ты что, украла у него водку?

— Не лезь куда не надо, понятно! Я сама с ним разберусь, — отрезала Татьяна.

До вечера они торговали, не разговаривая друг с другом. К семи часам в палатку к матери заявился ухажёр Колян — худощавый рецидивист с тремя отсидками к тридцати пяти годам, чем Лерка воспользовалась, улизнув из палатки.

Украдкой выйдя на улицу, она оказалась во тьме холодного вечера, который был не столь очарователен, как весеннее утро, ласкавшее окраину солнечным светом. Домой она возвращалась промозглыми, мрачными дворами, растерявшими вдохновение весны с заходом ещё не окрепшего солнца. Она шла торопливо, не оглядываясь и уставившись себе под ноги, с трудом различая дорогу в свете редких фонарей.

Добравшись до дома, девушка быстро поднялась на второй этаж и захлопнула за собой дверь. Отдышавшись, Лерка попыталась подавить волнение, но покоя в пустой квартире не нашла. Стараясь не обращать внимания на закрытые матерью зеркала, она прошла в комнату, сразу включив свет.

Лерке было неуютно и временами казалось, что в комнате стало холоднее обычного. По обыкновению устроившись у телевизора, ей пришлось укутаться в тёплое одеяло. Бесцельно смотря телевизор, она искоса перевела взгляд в опустевший угол комнаты на старый «продавленный» диван, где

ещё утром лежала бабушка. Переведя взгляд выше, она обратила внимание на старую икону, о которой Лидия Николаевна упоминала с утра. Сняв икону с гвоздя, Лерка быстро вернулась в кресло и, вновь накрывшись одеялом, принялась рассматривать её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.